

Императрица повела меня в личные покои государя. Изнутри веяло уютным теплом отапливаемого пола; неожиданная волна жара, нахлынувшая прямо с порога, заставила меня вздрогнуть.

Отец-император ещё не почивал. Одетый в ярко-жёлтую нижнюю одежду, он восседал за столом и при моём появлении лишь вскользь бросил равнодушный взгляд.

Я покорно опустил на колени.

Странное дело: колени, верно, уже давно посинели и опухли, еще мгновение назад любая попытка шевельнуться отзывалась резкой болью, но сейчас ноющая тупость отступила. В зале царил благодатное весеннее тепло, прогнавшее даже воспоминание об уличной стуже.

— Что сие означает, императрица? — спросил отец.

Матушка плавно склонилась в изящном поклоне:

— Ваше Величество, я пришла просить о высочайшем соизволении. Исполните же просьбу Иэра.

Император мельком глянул на меня и хмуро обратился к супруге:

— Он глуп и своенравен, но ты-то куда! Это дело государственной важности, здесь не место бабьему милосердию!

Ледяной тон государя заставил моё сердце сжаться. Я понял: он не уступит. На душу давил тяжкий груз вины перед матерью. Они с отцом всегда жили в глубоком ладу, а ныне из-за моего упрямства ей приходится терпеть его гнев.

Императрица даже не вздрогнула. Изыщно поправив подол шёлкового платья, она опустилась на колени рядом со мной.

Лицо императора мгновенно изменилось. Тяжело вздохнув, он произнёс чуть мягче, но всё ещё строго:

— Встань. Что за речи на коленях?

— Моё сердце и впрямь слепо, Ваше Величество, — тихо, но твёрдо молвила матушка. — Но ведь у меня только один этот ребёнок.

Я не смел поднять глаз, но по наступившей тишине понял: эти слова попали в самое сердце

отца. Из его голоса вмиг улетучилась прежняя суровая непреклонность.

— Сие есть государевы дела, — возразил император. — Наследник весной принял участие в управлении державой, и прибытие посольства Северного Инь стало его первым крупным поручением. Встреча, пиры, работа Палаты государственного этикета — всё было исполнено безупречно. И если в итоге заложник вражеской державы станет супругом Третьего принца, как Наследнику смотреть в глаза подданным?

Императрица ответила всё с тем же невозмутимым спокойствием:

— У Вашего Величества сыновей много. А у меня — он один.

— Ты!.. — Государь вспыхнул, но тут же силой подавил ярость. — Встань, кому говорю!

Его голос вновь налился свинцовой тяжестью, однако матушка и не думала подниматься, выпрямив спину с царственным величием. Даже стоя на коленях, она сохраняла безупречную грацию; её изящные пальцы с алой яркостью окрашенными ногтями сжимали шёлк юбки без малейшей дрожи.

Повисла тяжёлая пауза. В конце концов гневливость государя сменилась усталой беспомощностью. Опустив плечи, он вздохнул:

— Встань же...

Мужчина беспомощен перед той, кого любит. Даже если он — владыка Поднебесной, обладающий абсолютной властью.

Императрица неторопливо поднялась.

Отец долго и тяжело смотрел на меня, прежде чем произнести:

— Всего два месяца назад на этом самом месте он уверял меня, будто ему нужен лишь Сюй Цинцзэ. И как, скажи на милость, мне верить его нынешним порывам?

— Прежде он ни ради кого так не рисковал, — отрезала матушка.

Они вершили мою судьбу, словно меня здесь и не было. Забытый всеми, я продолжал заворожённо смотреть в холодный камень пола. Тело больше не сковывал мороз, но пальцы судорожно дрожали. Я попытался сжать рукава, желая скрыть эту слабость, но руки предали меня окончательно — ткань выскальзывала из ослабевших пальцев.

— И-эр вырос, — продолжала императрица. — Весной он достигнет совершеннолетия.

Её голос звучал мягко, но настойчиво:

— Дайте ему шанс. Ваше Величество ведь обещали мне.

Дальнейшие речи проплывали мимо моего сознания. Мысли стремительно унеслись прочь — к Цзи Минчэню. Впервые за два месяца мы разлучились так надолго, и тоска накрыла меня неудержимой волной. Я до боли ясно помнил густые тени его ресниц, прохладу узкой ладони и прикосновение мягких губ.

Строгий, повелительный оклик заставил меня очнуться. Подняв голову, я встретил тяжёлый, испытательный взгляд государя.

— Ты всё усвоил? — властно спросил он.

Я не слышал ни единого его слова, но под давящей тяжестью этого взгляда мог выговорить лишь:

— Понял, отец...

Выражение лица государя слегка смягчилось:

— Да будет так. Весной, в день твоего совершеннолетия, ты официально введёшь господина Цзи в свой дом как супруга. В то же время приступишь к делам при дворе и будешь присутствовать на утренних аудиенциях. Что до Наследника — сыщешь время и принесёшь ему глубочайшие извинения. Сделай это со всем почтением, чтобы ни у кого не осталось сомнений.

Нежданное счастье оглушило меня, словно заставив закружиться весь мир. В ушах эхом отдавалось лишь одно слово — «супруг», и я мог только ошеломлённо и глупо улыбаться. Все прочие наставления прошли мимо ушей.

Даже когда матушка вывела меня из покоев, я брёл следом, точно во хмелю, не убирая с лица счастливой, блаженной улыбки.

Императрица посмотрела на меня с ласковым вздохом:

— Экий глупыш...

Я понятия не имел, какими словами ей удалось сломить волю государя, да и не пытался узнать — захлестнувший восторг выбил из меня всю рассудительность. Я улыбался во весь рот, сияя

как дитя.

— Ступай к себе в усадьбу, — проговорила матушка.

Лишь маленький уголок разума внезапно напомнил мне о кое-чём важном. С трудом отвлекшись от захлестнувшей радости, я тихо окликнул её:

— Матушка...

Я посмотрел ей в глаза и серьёзно добавил:

— У вас ведь есть не только я. Если Янь-эр услышит твои слова, ему будет очень больно.

Императрица на мгновение замерла от неожиданности, а затем мягко улыбнулась:

— Глупое ты дитя...

Она удалилась, а я остался блуждать по дворцу, точно хмельной. Казалось, тело потеряло вес и я вот-вот взлечу к самым облакам; однако, опомнившись, я понял, что бреду по глухой, пустынной аллее.

Мысли путались, ноги несли куда глаза глядят, и я окончательно потерял дорогу. Слуга-евнух, бредущий следом, наверняка решил, что Третий принц не просто лишился ума, но и окончательно тронулся: иначе с чего бы мне мурлыкать себе под нос глупый мотив и нелепо улыбаться?

Евнух со страхом и трепетом семенил рядом — то придержав меня за рукав у самой стены, то заботливо подставив локоть на высокой перекладине дверей. Мне же его забота казалась лишней. Захлестнувшая радость походила на грёзу, и мне требовалась хоть капля боли, чтобы уверовать в реальность происходящего.

Если бы кто-нибудь прямо сейчас сказал мне, что всё это лишь сон — я с радостью согласился бы уснуть навеки, лишь бы не просыпаться.

Прежде чем дворцовые ворота замкнулись на ночь, евнух вывел меня за пределы запретного города.

У экипажа стоял человек. Его алые одежды пылали в сумерках ярче осенней листвы на далёких горно-лесных склонах.

Я замер, глядя на него сквозь морозный воздух и круговорот пожухлых листьев.

Там, в Зале Усердного Правления, твёрдые слова матери закалили меня, превратившегося в бронзу и сталь, защитившего от боли и стужи. Облачившись в доспех из чистой решимости, я был готов встретить любую бурю.

Но сейчас, встретившись с этим тёмным, пронизывающим взглядом, я в мгновение ока лишился всей своей брони.

Сталь растаяла без следа, оставив лишь уязвимую плоть. Храбрость улетучилась, я снова превратился в беспомощного глупца.

Изнурительная усталость и слабость накатили всесокрушающим валом.

Боль вернулась. Скрученные судорогами колени заныли с такой силой, что земля ушла из-под ног. Тело пробрал такой озноб, что стук зубов прорезал тишину ночи. Я едва удерживал равновесие, готовый вот-вот рухнуть на камни.

Он шагнул мне навстречу.

Тяжёлые цепи больше не сковывали его ног, и шаг его был быстр и невесом.

Прежде чем я успел совладать с собой, по щекам покатились слёзы.

Шаг, ещё шаг, третий...

Он остановился совсем рядом.

Его рука подхватила моё подкосившееся тело. Ладонь, не слишком тёплая, но бережная и надёжная, легла на поясницу.

Он помог мне подняться в экипаж.

Я прижался к его плечу. Он обнял меня за плечи и стал неумело, едва ощутимо поглаживать по спине.

Ломота проникала до самых костей; смертельно хотелось зажмуриться и забыться сном, но слёзы лились непрерывным потоком. Перенесённый холод, адская боль и накопившаяся обида выплескивались наружу, пропитывая влагой его одежду.

Он осторожно смахнул слезинку с моего подбородка и тихо молвил:

— Из дворца только что прибыл указ. Я свободен.

Я поднял на него глаза:

— Поедем домой.

Он тепло улыбнулся, и в его тёмных зрачках отражался только я.

— Поедем.

Уткнувшись носом ему в грудь и слушая размеренный стук сердца, я смежил веки. Он накрыл мои замёрзшие ноги пледом и продолжал нежно поглаживать по спине. Когда экипаж подбрасывало на ухабах, его объятия становились лишь крепче.

Я молился про себя, чтобы эта дорога не кончалась никогда.

— Чу И, — тихо позвал он.

Он лишь во второй раз назвал меня по имени. Двум простым звукам, слетевшим с его губ, казалось, не было равных по красоте.

У меня не осталось сил на слова, и я лишь слегка провёл пальцем по его ладони.

Он наклонился ближе, и его дыхание коснулось моего уха:

— Отныне я буду беречь тебя.

Жар мгновенно охватил щёки и уши, лицо вспыхнуло. Как он мог с такой лёгкостью, одной-единственной фразой, выбить у меня почву из-под ног? Эти простые слова звучали прекраснее всего, что мне доводилось слышать за всю жизнь.

Я уткнулся лицом ему в грудь, пряча вспыхнувший румянец, и прошептал:

— Цзи Минчэнь, мне больно...

Его ладонь опустилась на моё израненное колено, согревая своим теплом.

— Потерпи немного, — нежно прошептал он. — Вернёмся в усадьбу — я сам обработаю раны.

Когда карета остановилась у ворот усадьбы, ко мне словно вернулись силы. Сжав его руку в своей, я повёл его внутрь, наказывая себе: отныне это место станет и его домом тоже.

Едва мы переступили порог покоев, Чуньли поклонилась и поинтересовалась:

— Ваше Высочество, в каком из дворов приказать обустроить место для молодого господина?

— Он останется со мной, — ответил я.

Чуньли с искренней улыбкой поклонилась и тихо удалилась.

За это я и ценил Чуньли: расторопная и понятливая, она никогда не позволяла себе лишних вопросов. Но в ту минуту мне впервые захотелось, чтобы она спросила — и тогда я во всеуслышание объявил бы, что этот молодой господин станет моим законным супругом, признанным самим государем.

Цзи Минчэнь пристально смотрел на меня.

Сердце внезапно сжалось от сомнений. Не поступил ли я слишком своевольно, решив всё за него? Радовало ли его это?

Прежде в Палате государственного этикета мы делили одно ложе лишь потому, что комната была тесна, а сам он метался в беспамятстве. Ныне же он почти оправился от недуга, да и в усадьбе комнат предостаточно. Что если... он не захочет делить со мной покои?

Эта мысль отозвалась во мне такой острой болью, что удушливая волна тоски подступила к горлу. Я сбивчиво забормотал:

— Если ты не хочешь... я прикажу...

— Чу И, — мягко перебил он мои бессвязные лепетания. — Ты отказываешься от меня?

Я опешил и вскинул на него растерянный взгляд. О чём он говорит? Как я мог отказаться от него? Он — небесный лик, явившийся мне во сне, чудесный дар судьбы, на который я и надеяться не смел. Как бы я мог отвергнуть его?

Цзи Минчэнь опустил рядом со мной. Посмотрев мне прямо в глаза, он произнёс отдельно и серьёзно:

— Это ты вернул меня к жизни. Я воспрянул из небытия ради тебя. Переступив порог смерти, эту вторую жизнь я получил из твоих рук. Я принадлежу тебе — так неужели ты отступишься?

— Как я мог... как я мог отказаться от тебя? — сбивчиво выдохнул я. — Не смей больше говорить подобного!

Он едва заметно улыбнулся:

— Тогда, куда бы ты ни направился, никогда не забывай брать меня с собой.

<http://bllate.org/book/20619/2131318>